ГАЛИМОВ А. Р., ЕРЕМЕЕВ Е. В.

Читая дефект

Как найти причину, оценить угрозу и доказать вывод

2026

Об авторах

Один и тот же дефект выглядит по-разному в зависимости от того, с какой стороны на него смотришь. Инженер-обследователь видит трещину. Строитель — свою или чужую ошибку в работе. Эксперт по промышленной безопасности — риск отказа. Судебный эксперт — предмет спора, который придётся отстаивать на допросе. А тот, кто пишет рецензию на чужое заключение, видит, в каком месте вывод коллеги рассыплется под первым же грамотным вопросом.

Мы смотрели на дефекты со всех этих сторон — и книга написана именно из этой панорамы, а не из учебника.

Артём Галимов начинал, как начинают все, — молодым инженером-обследователем с фотоаппаратом и жиденькой папкой опыта, мотаясь по объектам от края до края страны. В ту пору кажется, что вся работа — увидеть трещину и аккуратно её зафиксировать. Промышленная безопасность быстро отучила от этой наивности: трещина — не факт сам по себе, а вопрос «чем это грозит и когда». А потом была судебная экспертиза — и вот она перевернула всё. На реальных делах выяснилось, что дефект — это едва ли не самое простое в споре. Вокруг него оказываются документы, которые не сходятся, строители, у каждого своя правда, и люди, которым выгодно, чтобы вывод звучал так, а не иначе. Дефект стоит на месте, а вокруг него — целая механика интересов, и вывод надо строить так, чтобы он держался против всего этого. Строительный контроль показал ту же историю с изнанки: видно, как брак рождается прямо у тебя на глазах, пока его ещё не успели залить бетоном. А кресло начальника экспертизы добавило то, чему объекты не учат, — отвечать за выводы не свои, а целого отдела. Сегодня у Артёма собственное дело: обследование по ГОСТ, строительно-техническая экспертиза, строительный контроль. И к нему всё чаще приходят с чужими судебными заключениями — написать рецензию, то есть спокойно и по пунктам показать, где коллега ошибся. Эксперт по промышленной безопасности, специалист НОПРИЗ, ГИП по инженерным изысканиям.

Евгений Еремеев добирался до той же точки с другого края. Начинал, как и Артём, инженером в судебной экспертизе — то же крещение спором, где вывод проверяют на излом. Но дальше свернул туда, куда обследователи обычно не заглядывают, — в ПТО, в бумагу. И бумага открыла неприятное: дефект чаще всего рождается не на стройке, а в документах — в проекте,

в исполнительной, в подмене узла «по факту», — задолго до того, как забьют первую сваю. Кто это увидел однажды, потом читает объект иначе: ищет причину не в бетоне, а в бумаге, которая была раньше бетона.

А потом произошло то, что мало кому достаётся, — под его начало попал почти весь арсенал проверки объекта сразу: строительный контроль, геодезия, служба главного сварщика, строительная лаборатория, лаборатория неразрушающего контроля, промышленная безопасность. И с этой высоты открылось то, что снизу не разглядеть: ошибка неизбежна везде, где нет должного контроля, — на каждом этапе, в каждом звене, стоит ослабить внимание, и брак находит эту щель. Обычный эксперт смотрит на дефект одним прибором и одним методом; отсюда дефект видно всеми способами разом — и становится ясно, что почти любой из них можно поймать заранее, если знать, каким инструментом куда посветить. Тогда же Евгений стал судебным экспертом — и остаётся действующим по сей день.

Сегодня у него то же собственное дело, что и у Артёма. И команда — не вчерашние студенты, а инженеры, которые своё на объектах уже отсмотрели; он ведёт их с той высоты, с которой видно всю цепочку целиком. ГИП по проектированию и изысканиям, специалист НОПРИЗ и НОСТРОЙ, член СУДЭКС.

Сложите два этих пути — и получится вся траектория дефекта целиком: от изысканий и бумаги, через стройку, контроль и лаборатории, до обследования, экспертизы и зала суда. Мы видели, как заключения выигрывают споры. Видели и как они рассыпаются от одного точного вопроса. Эта книга — о том, как оказаться на первой стороне, а не на второй.

Оглавление

Об авторах **1**

Введение **7**

Часть I. Язык и логика дефекта **9**

Глава 1. Слово, которым доказывают 10
Глава 2. Причина и следствие 16
Глава 3. Существенность дефекта 22
Глава 4. Угроза: цепочка «состояние → норма → угроза» 29

Часть II. Обследование как сбор фактов **35**

Глава 5. Факт — это то, что можно повторить 36
Глава 6. Фиксация: снять так, чтобы документ говорил сам 42
Глава 7. Привязка: адрес, по которому возвращаются 47
Глава 8. Поверка: прибор как свидетель 51
Глава 9. Ошибки, на которых заключение ломается 56

Часть III. Каталог дефектов **60**

Часть III · Механизм 1. Основания и осадки **67**

Вступление к механизму 68
Д-1.01 · Осадочная трещина от неравномерной осадки 72
Д-1.02 · Крен здания/сооружения 84
Д-1.03 · Просадка при замачивании 95
Д-1.04 · Морозное пучение 106
Д-1.05 · Набухание и усадка глинистых грунтов 117
Д-1.06 · Влияние соседнего строительства и водопонижения 127
Д-1.07 · Карст и суффозия 141
Д-1.08 · Подработка подземными выработками 152
Д-1.09 · Выпор основания 162
Д-1.10 · Горизонтальное смещение фундамента 172

Часть III · Механизм 2. Силовые **182**

Вступление к механизму 183
Д-2.01 · Перегрузка изгибаемого элемента 188
Д-2.02 · Чрезмерный прогиб и потеря трещиностойкости 201
Д-2.03 · Потеря устойчивости сжатого элемента 213
Д-2.04 · Смятие / местное сжатие 227
Д-2.05 · Срез, скалывание, продавливание 241

Д-2.06 · Кручение....255
Д-2.07 · Нарушение сцепления и анкеровки....268
Д-2.08 · Силовые дефекты от осадки опоры и перераспределения усилий....282
Д-2.09 · Трещины от концентрации напряжений....297
Д-2.10 · Потеря общей устойчивости системы и прогрессирующее обрушение....310
Кейс механизма · Четырнадцатикратный запас против вердикта о сносе....325

Часть III · Механизм 3. Температурно-влажностные....335

Вступление к механизму....336
Д-3.01 · Температурные деформации и трещины от стеснения....343
Д-3.02 · Деформации от неравномерного нагрева....362
Д-3.03 · Усадочные трещины материала....379
Д-3.04 · Недостаточная теплозащита и промерзание ограждающей конструкции. 396
Д-3.05 · Конденсация на внутренней поверхности от режима эксплуатации....414
Д-3.06 · Накопление влаги в толще конструкции....428
Д-3.07 · Капиллярный подъём влаги (восходящая сырость)....443
Д-3.08 · Фильтрация грунтовой воды в подземную часть....456
Д-3.09 · Замачивание протечкой....471
Д-3.10 · Морозное разрушение переувлажнённого материала....485
Д-3.11 · Высолы и выцветы....500
Д-3.12 · Несовместность деформаций слоёв и разнородных материалов....514
Кейс механизма · Лёд на внутренней стене....529

Часть III · Механизм 4. Коррозионные и биологические....537

Вступление к механизму....538
Д-4.01 · Коррозия арматуры при карбонизации защитного слоя....545
Д-4.02 · Хлоридная коррозия арматуры....563
Д-4.03 · Разрушение защитного слоя продуктами коррозии....580
Д-4.04 · Коррозия напрягаемой арматуры, коррозионное растрескивание под напряжением....595
Д-4.05 · Коррозия закладных деталей, гибких связей и крепежа облицовки....611
Д-4.06 · Атмосферная коррозия стальных конструкций и потеря сечения....627
Д-4.07 · Коррозия в зонах переменного увлажнения и у поверхности грунта....642
Д-4.08 · Гальваническая коррозия и коррозия блуждающими токами....656
Д-4.09 · Химическая коррозия бетона агрессивной средой....670
Д-4.10 · Биопоражение древесины: дереворазрушающие грибы и насекомые....685
Д-4.11 · Биопоражение отделки и поверхностей....701
Д-4.12 · Утрата антикоррозионной защиты....716
Кейс механизма. Тридцать три миллиона за микроны....731

Часть III · Механизм 5. Деградационные и усталостные....737

Вступление к механизму....738

Д-5.01 · Старение и деградация бетона....745
Д-5.02 · Выветривание и эрозия поверхности бетона и камня....765
Д-5.03 · Ползучесть бетона и рост прогибов во времени....782
Д-5.04 · Разрушение и износ кладки, потеря прочности раствора....800
Д-5.05 · Усталость металла при циклических нагрузках....816
Д-5.06 · Ослабление и износ соединений....834
Д-5.07 · Старение древесины и деструкция без биологического агента....851
Д-5.08 · Старение полимерных материалов....868
Д-5.09 · Износ и деградация кровельных и гидроизоляционных покрытий....884
Д-5.10 · Механический износ поверхностей при эксплуатации....901
Ресурс, износ и остаточный срок службы....918
Кейс механизма. Пятьдесят лет и тысяча циклов....931

Часть III · Механизм 6. Изготовления и монтажа....939

Вступление к механизму....940
Д-6.01 · Несоответствие материала проекту....949
Д-6.02 · Дефекты бетонирования....967
Д-6.03 · Отступления в армировании....983
Д-6.04 · Дефекты сварных соединений....999
Д-6.05 · Дефекты болтовых и заклёпочных соединений....1016
Д-6.06 · Дефекты каменной кладки при возведении....1033
Д-6.07 · Отсутствующие и непроектные связи, анкеровка, заделка....1050
Д-6.08 · Отступления геометрии и положения....1067
Д-6.09 · Непроектные узлы сопряжения и отсутствующие конструктивные элементы....1083
Д-6.10 · Защита и изоляция, не выполненные или выполненные не по технологии 1099
Д-6.11 · Отступления в составе многослойных конструкций....1114
Д-6.12 · Скрытые пустоты и посторонние включения....1130
Д-6.13 · Механические повреждения и непроектные ослабления сечения....1146
Допуск, дефект и стоимость устранения....1161
Кейс механизма. Дом, купленный с отделкой....1171

Часть IV. От дефекта к документу....1181

Глава 10. Документ и тот, кто его читает....1185
Глава 11. Задание и вопрос: с чего начинается документ....1197
Глава 12. Анатомия заключения....1211
Глава 13. Вывод, который нельзя развернуть....1227
Глава 14. Обследование: работа по норме, а не по мнению....1239
Глава 15. Эксперт в суде....1250
Глава 16. Рецензия на чужое заключение....1260
Глава 17. Половина дела....1273

Приложение А. Нормативные документы....1277

I. Федеральные законы и технические регламенты....1278
II. Процессуальные нормы....1280
III. Постановления высших судов....1281
IV. Постановления Правительства и акты по содержанию фонда....1282
V. Своды правил....1284
VI. ГОСТы....1292
VII. Приказы, руководства, отраслевые документы....1301
VIII. Соответствие номеров: старый документ → действующий....1302
IX. Где норма молчит....1305
X. Ловушки редакций....1307
XI. Правило двух выводов....1309

Приложение Б. Указатель по элементам....1310

A. Фундамент и подземная часть....1311
B. Несущий остов....1314
C. Ограждающие конструкции....1320
D. Крыша и кровля....1322
E. Прочие конструкции....1324
Если своего слова в списке нет....1327

Приложение В. Чек-листы....1329

Ч-1. Самопроверка обследования....1330
Ч-2. Протокол причинности....1332
Ч-3. Существенность....1334
Ч-4. Цепочка до угрозы....1336
Ч-5. Документ перед сдачей....1337
Ч-6. Разбор чужого заключения....1339

Введение

Найти дефект — половина дела. Половина, за которую обычно платят и хвалят: приехал, увидел трещину, померил, описал. Но всё серьёзное рано или поздно упирается в спор, а в споре эта половина не решает ничего. Решает вторая: доказать. Откуда трещина, чем грозит, кто за неё отвечает — и так, чтобы вывод устоял под перекрёстным вопросом, когда напротив сидит грамотный оппонент, которому твой вывод очень мешает.

Эта книга — про вторую половину. Про то, как от увиденной трещины дойти до вывода, который держится.

Справочников по дефектам хватает: открываешь по элементу, находишь похожую картинку, читаешь диагноз. Мы сознательно сделали не так. Одинаковая с виду трещина бывает следом восьми разных причин, у каждой — своя физика, своя норма, свой ответчик; определитель по картинке тут не помогает, а подводит. Поэтому книга устроена не как перечень, а как **метод** — способ отличать, доказывать и оценивать, — и уже на него нанизан каталог из шестидесяти семи дефектов.

Отсюда её двойная природа. Можно читать как **справочник**: прибежал с объекта с конкретной трещиной, нашёл дефект через матрицу или указатель, прочитал разбор, применил. А можно читать как **метод**: подряд, от первой страницы, — и тогда книга не столько отвечает на вопросы, сколько меняет способ их задавать. Новичок получит рабочий инструмент. Эксперт — систему, которая держит удар в суде. Это один текст, работающий на двух уровнях, и переключаться между ними можно на любой странице.

Четыре части — это путь одного дефекта от первого взгляда до документа:

Часть I. Язык и логика дефекта — как о дефекте думать. Каким словом его назвать (за каждым стоит свой вопрос и свой ответчик), как отделить причину от следствия, чем измерить существенность, как довести до вывода об угрозе, не порвав ни одного звена. Это оптика, через которую читается всё остальное.

Часть II. Обследование как сбор фактов — как добыть факт, которому поверят. Не «как обследовать» (это в сводах правил), а как обследовать так, чтобы результат пережил допрос: воспроизводимость, фиксация, привязка, поверка.

Часть III. Каталог дефектов — шестьдесят семь дефектов по шести механизмам, каждый разобран по одному и тому же порядку из семи полей. Ось —

не элемент, а механизм: физический процесс, которым дефект живёт. Это ядро-справочник, и по нему работают руками.

Часть IV. От дефекта к документу — как всё это превратить в заключение, которое доказывает, и защитить его, когда за другой стороной — грамотный оппонент. Здесь метод замыкается в продукт.

Сквозь все четыре части проходит одна логическая нить: **состояние → норма → причина → существенность → угроза → вывод.** В первой части она вводится, во второй под неё собирается факт, в третьей прогоняется через каждый дефект, в четвёртой ложится в документ. Заметишь её — и книга сложится в одно целое, а не рассыплется на главы.

Как читать, если пришёл за конкретным. У каждого дефекта постоянный код вида Д-1.01: первая цифра — механизм, вторая — номер статьи. Каталог открывается **матрицей «элемент × механизм»**: нашёл строку своего элемента — видишь все механизмы, способные дать в нём дефект, с номерами статей. В конце — **указатель по элементам** и **перечень норм** для сверки редакций. Но даже когда прыгаешь в один дефект, ты остаёшься внутри метода: разобран он так же, как все, — и через несколько таких прыжков начинаешь думать его языком, сам того не заметив.

Ещё две вещи, о которых честно предупредим сразу. Здесь нет готовых ответов «картинка → диагноз»: каталог даёт не приговор, а полный список версий и признаки, которыми они различаются, — отсекать лишнее и называть достоверность придётся тебе. И нормы меняются: каждая ссылка дана на действующую редакцию и проверена, но между сдачей рукописи и твоим объектом лежит время — сверяйся.

Дальше — по существу. Начнём с самого начала: с того, каким словом назвать то, что ты увидел. Потому что спор о здании нередко выигрывают и проигрывают на словах — раньше, чем дойдёт до сути.

Часть I. Язык и логика дефекта

Глава 1. Слово, которым доказывают

Нам часто приносят чужие заключения на рецензию — крепкие на вид: фотографии, замеры, ссылки на нормы, подписи. И раз за разом вывод сыпется не там, где автор ошибся в расчёте, а там, где он один раз небрежно назвал вещь своим — вернее, чужим — именем. Написал «дефект», где по делу было «повреждение». Сказал «недостаток» там, где не имел права говорить о недостатках вовсе. Слово стоит в тексте тихо, никого не смущает. А на допросе его вытаскивают первым — и на нём заключение и ломается.

Отсюда и начнём. Спор о здании нередко выигрывают и проигрывают на словах — раньше, чем дойдёт до сути. Сам дефект стоит на месте: трещина как была, так и есть, её видно, её можно померить. Трудно не увидеть трещину — трудно правильно её назвать. Потому что за каждым из четырёх слов, которые кажутся синонимами, стоит своя нормативная система, свой вопрос и свой адресат ответственности. Выбрал слово — выбрал, в каком мире доказываешь.

Слов этих четыре: **несоответствие, дефект, повреждение, недостаток**. В разговоре — почти одно и то же. В заключении — четыре разные машины, каждая со своими последствиями. Разберём по одному, а потом соберём обратно — и посмотрим, как каждое из них рвётся, когда его ставят не на своё место.

Несоответствие: разрыв между фактом и требованием

Самое широкое и самое холодное из четырёх. По ГОСТ Р ИСО 9000-2015 несоответствие — это невыполнение требования. И всё. Оно ничего не говорит ни о причине, ни о вине, ни об опасности — только фиксирует зазор между тем, что есть, и тем, что требуется.

Именно поэтому им хорошо начинать. Пока мы говорим «несоответствие», мы стоим на твёрдой земле факта: вот замер, вот пункт нормы, вот разница между ними. Ничего лишнего, оспаривать по существу нечего — если замер сделан честно, а норма приведена действующая.

Представьте приёмку. В исполнительной документации значится один узел, по факту смонтирован другой — попроще и подешевле. Этого достаточно,

чтобы не подписывать: результат не соответствует проекту, точка. Заметьте, что нам пока не нужно доказывать, что дом от этого рухнет. Мы не сказали «дефект», не сказали «опасно» — мы сказали «не так, как в проекте», и уже на этом можем стоять. Несоответствие — сильная позиция ровно потому, что скромная: она не берёт на себя лишнего.

Здесь же живёт язык строительного контроля: отступление от проекта, замена материала «по факту», нарушение технологии — всё это несоответствия, зафиксированные задолго до того, как забили первую сваю. Мы ещё вернёмся к этому, когда будем говорить, что причина дефекта чаще рождается в бумаге, чем в бетоне. Пока запомним одно: несоответствие — это про «не так, как требуется», и только про это.

Слабость у него та же, что и сила. Несоответствие ничего не доказывает о последствиях. Остановиться на нём — значит сказать «не по норме» и замолчать на самом интересном месте: а чем это грозит? Несоответствие — первый шаг, не вывод. И между несоответствием и дефектом есть зазор, в который проваливаются неаккуратные: **не всякое несоответствие — дефект.** Отступили от проекта в мелочи, которая на работоспособность не влияет, — несоответствие есть, а дефекта может и не быть. Простая проверка: спроси себя, ухудшает ли это техническое состояние или годность конструкции. Нет — тогда у тебя несоответствие, и торопиться называть его дефектом не надо.

Дефект и повреждение: ось происхождения, на которой висит вина

Вот здесь начинается настоящая работа — и настоящая путаница.

Инженерная традиция разводит эти слова по происхождению. Дефект — врождённое: то, что заложено в конструкцию при проектировании, изготовлении, монтаже. Повреждение — приобретённое: то, что конструкция получила потом, в работе, — от нагрузок, среды, воздействий. Дефект был всегда; повреждение случилось.

Разница кажется академической ровно до того момента, пока не вспомнишь, что за ней стоит вопрос «кто виноват».

Возьмём трещину в плите перекрытия. Одна трещина, один снимок в деле. Назови её дефектом — и ты сказал: арматуру уложили не так ещё на заводе или на монтаже, брак родился вместе с плитой. Стрелка ответственности летит в изготовителя, в монтажников, в подрядчика. Назови её повреждением — и ты сказал другое: плита была нормальной, а потом на неё поставили то, чего проект не предусматривал, устроили склад, перегрузили. Стрелка разворачивается на сто восемьдесят градусов и летит в того, кто так эксплуатировал. Снимок один. Слово — разное. И ответчик — разный.

Вот почему за это слово дерутся, и вот почему его нельзя выбирать по вкусу. Право назвать трещину дефектом или повреждением надо заработать — доказательством происхождения, а не удобством версии. Как именно это доказывается — вся следующая глава; здесь важно понять, что за выбором слова стоит доказанный механизм, а не редакторское предпочтение.

А теперь неприятная правда, которую надо знать заранее.

Норма, по которой мы обследуем здания сегодня, — ГОСТ 31937-2024, действует с 1 мая 2024 года, — эти два слова **склеивает**. В пункте 3.5 стоит «дефект [повреждение] строительной конструкции» — через скобку, как синонимы: отдельное несоответствие конструкции параметру проекта или нормы, ухудшающее её техническое состояние. Про происхождение — ни слова. Для стандарта обследования дефект и повреждение — одно и то же.

Документ, который различие проводил, — старый СП 13-102-2003, где дефект и повреждение определены раздельно. Но опереться на него в суде как на обязательную норму рискованно: он был лишь одобрен постановлением Госстроя, а не утверждён как документ по стандартизации, его легитимность давно оспаривается, и профильные разъяснения прямо отсылают к ГОСТ 31937. То есть слово, на котором держится вопрос вины, действующая обязательная норма нам не гарантирует.

Вывод отсюда простой и неудобный: различие «дефект / повреждение» держит не норма, а эксперт. Своей логикой причинности — временно́й, пространственной, морфологической, — а не ссылкой на пункт. Когда мы в заключении разводим врождённое и приобретённое, мы не цитируем стандарт (он молчит) — мы доказываем. И этим доказательством отвечаем на вопрос, отвечать на который стандарту не поручено: откуда это взялось и, значит, с кого спрос.

Одна оговорка, чтобы самим не попасть на том же допросе. Чистого деления «дефект — это стройка, повреждение — это эксплуатация» нормы не дают: тот же СП 13-102 относит к повреждениям и то, что получено «при изготовлении, транспортировании, монтаже». Границы размыты. Поэтому в заключении мы опираемся не на ярлык, а на механизм: не «это повреждение, потому что так называется», а «признаки указывают, что это возникло тогда-то и от того-то». Ярлык — это вывод, а не аргумент.

Для полноты картины — есть и третий адрес. ГОСТ 15467-79, стандарт терминов качества (действует), определяет дефект как отдельное несоответствие продукции установленным требованиям и раскладывает дефекты по происхождению: конструктивный, производственный, эксплуатационный. Из этой квалиметрии инженерная привычка делить дефекты по источнику во многом

и растёт. Полезно знать, что у различения есть корень, — но в заключении по зданию мы ссылаемся на действующие строительные документы и на собственный анализ, а не на стандарт о продукции.

Недостаток: слово, за которым начинается право

«Недостаток» — не инженерный термин. Это слово из Гражданского кодекса, и произнести его — значит перейти из технической плоскости в правовую.

Глава 37 ГК, о подряде, построена вокруг него. Качество работы должно отвечать договору (ст. 721); если работа сделана с недостатками, у заказчика появляется набор прав — потребовать устранить, снизить цену, возместить расходы (ст. 723). А дальше — развилка, ради которой это слово и стоит различать. Простой недостаток и **существенный недостаток** — это разные объёмы последствий. Существенный (по практике — существенный и неустранимый: неустранимый вовсе, либо неустранимый без несоразмерных затрат, либо возникающий вновь после устранения) даёт заказчику право вообще отказаться от договора и взыскать убытки. И сроки другие: по существенным недостаткам результата работ требование можно предъявить в пределах десяти лет.

Видно, что «недостаток» тянет за собой не физику конструкции, а имущественные последствия: деньги, расторжение, ответственность, бремя доказать, что недостаток возник до приёмки. Это уже не про то, что с балкой, — это про то, кто за балку платит.

Отсюда — граница, которую мы для себя держим жёстко, и вот как она выглядит вживую. Инженер осмотрел, нашёл, описал — и на радостях дописал: «выявленные недостатки являются существенными». Одно слово — и он вышел из своей роли. «Существенный недостаток» — это правовая квалификация по смыслу статьи 723, и делает её суд, а не инженер. Установить факт и механизм — наше. Повесить на факт правовой ярлык без прямо поставленного вопроса и без оснований — значит подставить всё заключение под простой вопрос: «на каком основании специалист даёт правовую оценку?» Иногда вопрос перед экспертом ставят прямо в этих терминах — тогда отвечаем, но аккуратно и в своих границах. Чаще — нет; и тогда наше дело дать суду факт, из которого право сделает вывод само.

Как не спутать дефект с недостатком, когда рука тянется: спроси, на какой вопрос ты сейчас отвечаешь. На технический — «что с конструкцией и почему» — это дефект, это твоё. На вопрос ответственности — «отвечает ли результат договору и кто платит» — это недостаток, и это чужая поляна, если тебя на неё прямо не позвали.

Как это собрать

Теперь обратно в одно целое. Четыре слова — не синонимы, а четыре ступени, по которым мысль идёт от факта к ответственности:

Слово	Откуда	Что фиксирует	На какой вопрос отвечает
Несоответствие	ГОСТ Р ИСО 9000-2015; язык стройконтроля	зазор «факт vs требование»	не так, как требуется?
Дефект / повреждение	ГОСТ 31937-2024; ГОСТ 15467-79; традиция	ухудшение техсостояния; происхождение	что это и откуда взялось?
Недостаток	ГК РФ, гл. 37	отступление результата от договора / требований	кто отвечает и в каком объёме?

Дисциплина слова — это не про красоту текста. Это про то, чтобы на каждом шаге говорить ровно тем словом, на вопрос которого ты сейчас отвечаешь, и не проскакивать ступени. Сначала зафиксируй несоответствие — холодно, фактом и нормой. Потом квалифицируй: дефект или повреждение и по каким признакам, — и здесь ты уже доказываешь происхождение, а не подбираешь ярлык. И только если спор идёт о договоре и деньгах и вопрос перед тобой так поставлен — выходи в «недостаток», понимая, что это слово правовое.

Как это рвётся на допросе

Теперь то, ради чего вся глава. Каждая подмена слова — это не стилистическая шероховатость, а готовая пробоина, и грамотный оппонент бьёт именно туда. Четыре типовых облома, по одному на каждую ошибку.

Назвал «дефектом» приобретённое повреждение. Вопрос с той стороны: «Докажите, что это заводской брак, а не следствие того, как объект эксплуатировали». Если происхождение не доказано механизмом — а оно чаще всего не доказано, потому что слово поставили по привычке, — вывод о вине подрядчика падает, и вместе с ним половина заключения.

Остановился на «несоответствии» и замолчал. Вопрос: «Вы установили отступление от нормы. А то, что оно ухудшает состояние и чем именно грозит, — установили?» Если между «не по норме» и «опасно» пусто, заключение не доведено: оно зафиксировало зазор и бросило его, не дойдя ни до техсостояния, ни до угрозы.

Написал «существенный недостаток» без правового вопроса. Вопрос: «На каком основании специалист даёт правовую квалификацию? Это вне вашей компетенции». Такой вывод суд спокойно исключает — и хорошо, если только этот, а не заодно доверие ко всему остальному.

Свалил документное несоответствие в один котёл с физическим дефектом. Вопрос: «Из того, что нет проектной документации, вы вывели, что конструкция дефектна. Где замер, где расчёт, доказывающий сам дефект?» Отсутствие бумаг — это несоответствие, а не трещина в бетоне; вывести из первого второе нельзя, и на этом ловят чаще всего.

Заметьте: во всех четырёх случаях расчёты и фотографии могли быть безупречны. Разваливалось слово. Поэтому дисциплину термина мы держим не из любви к чистоте языка, а потому, что это первое, что проверяют на прочность.

> **Из практики.** Нам принесли на рецензию судебное заключение по спору о качестве постройки частного дома. Эксперт нашёл много — трещины в кладке, зазоры в монтажных швах, неровные полы, отклонения оконных блоков. С тем, что дефекты есть, спорить не приходилось: фотографии на месте. Рассыпалось другое — язык.
>
> В одну кучу были свалены вещи из разных миров. Отсутствие проектной и исполнительной документации — это несоответствие: разрыв между тем, что требует норма о составе документов, и тем, что лежит в деле. Трещина в кладке — физический дефект конструкции. А эксперт сложил их вместе и из «документов нет» вывел «значит, строили с нарушениями», распространив это на прочность и несущую способность, которых он не мерил и не считал. Несоответствие бумаг подменило собой дефект конструкции, а тот — доказанную причину. Три разные ступени схлопнулись в одну фразу.
>
> Дальше слово подвело ещё раз. Все дефекты эксперт назвал «устранимыми» — и тут же, отвечая на следующий вопрос, предписал полный демонтаж стен, перекрытий и полов с возведением новых. «Устранимый» и «снести, построить заново» в одном заключении — это уже не устранение, это новый дом. Слово «устранимый» осталось в тексте незащищённым, и на нём вывод можно было раскачать, не притрагиваясь к самим дефектам.
>
> Разбирали мы это заключение не по расчётам — расчётов там и не было. Разбирали по словам. И этого хватило, чтобы показать: как доказательство оно не держится.

Найти дефект — половина дела. Назвать его верным словом — уже часть второй половины, той, где доказывают. В следующей главе займёмся тем, что стои́т за словом «дефект», когда мы пытаемся сказать, откуда он взялся, — причиной.

Глава 2. Причина и следствие

У каждой трещины есть очевидная причина. Это первое, что приходит в голову, — и почти всегда ловушка.

Просела стена — «слабое основание». Отсырел угол — «плохая гидроизоляция». Разошлась кладка — «некачественно строили». Объяснение приходит быстро, звучит уверенно, всех вокруг устраивает. Ровно поэтому его нужно проверять первым, а не принимать первым.

Мы уже сказали: найти дефект — половина дела. Вот здесь начинается вторая половина. В споре весит не сам дефект, а его причина: от неё зависит, кто отвечает, что чинить и надо ли вообще что-то чинить. Причина — это то, за что платят. И то, что приходится доказывать.

А доказывать её тяжело по одной простой причине: причину не видно. Видно следствие — трещину, пятно, прогиб. Причина — уже вывод, наш вывод, а не факт, снятый с объекта. И как всякий вывод, она может быть неверной, а на допросе — разобранной по косточкам. Поэтому причинность не «определяют на глаз». Её выстраивают. По шагам, каждый из которых можно предъявить.

Дальше в книге, в методологической части, эти шаги собраны в жёсткий протокол с чек-листом. Здесь, в первой части, нам важнее не форма, а привычка так думать. Разберём её по порядку — на трещине, потому что трещина честнее всего показывает, как легко перепутать следствие с причиной.

Сначала факт, потом вывод

Самая частая и самая незаметная ошибка делается в первой же строке — там, где эксперт описывает, что нашёл.

«Трещина от осадки фундамента шириной до 3 мм». Одно предложение, а в нём уже спрятан подлог: осадка фундамента — это не то, что видно. Видно трещину. Видно её ширину, направление, где она началась и где кончилась. А «от осадки» — это вывод, причём вывод, который в этот момент ещё ничем не подкреплён. Он проскользнул в графу наблюдения, притворился фактом —

и дальше всё заключение стоит на нём, как на фундаменте, которого никто не проверял.

Дисциплина здесь та же, что в прошлой главе со словами. Сначала фиксируем то, что есть, — как несоответствие и дефект, холодно, без «потому что». Ширина раскрытия, характер краёв, направление, привязка к оси и отметке, длина, куда «смотрит» раскрытие. Это факт, его можно померить и переснять. И только потом, отдельным ходом, — почему. Между «что я вижу» и «отчего это» должна стоять граница, и она должна быть видна в тексте. Смешал — открыл дыру в первой же строке.

Практическое правило простое: если в описании дефекта стоит слово «от» или «вследствие», остановись. Ты уже перешёл к выводу. Убедись, что заработал право на этот переход.

Один дефект — причина, остальные — эхо

Дефекты редко приходят поодиночке. Чаще их набор: трещина в стене, перекошенное окно, щель в примыкании, продувание, сырой угол. И тут возникает вопрос, от которого зависит всё: это пять разных проблем — или одна, показавшая себя пятью способами?

Почти всегда — одна. Основание дало неравномерную осадку — стену повело — по стене пошла трещина — оконный проём перекосило — блок заклинило — в примыкании раскрылась щель — через щель потянуло холодом — угол отсырел и промёрз. Пять, шесть, семь «дефектов» — и один корень. Первичный дефект — осадка. Всё остальное — вторичное, его эхо.

Почему это не схоластика. Потому что чинить надо причину, а не эхо. Назначишь ремонт окну — заменишь блок, запенишь щель — и через сезон всё вернётся, потому что основание как гуляло, так и гуляет. Заключение, которое приняло вторичное за первичное, не просто ошибается в теории — оно отправляет людей чинить не то. А на допросе разворачивается одним вопросом: «вы уверены, что причина в окне, а не в том, что под ним?»

Отделить первичное от вторичного помогают три признака. Важное слово здесь — независимых: они смотрят на дефект с трёх разных сторон, и если все три показывают в одну точку, вывод крепок. Если спорят между собой — стоп, гипотеза сырая, копай дальше.

Временна́я логика — что было раньше. Причина не может появиться позже следствия. Свежий скол на краю трещины и старый, уже закрашенный, — говорят о разном возрасте. Что развивается на глазах (маяки рвутся, край свежий), а что стои́т годами. Если «следствие» старше «причины» — гипотеза мертва, как её ни жаль.

Пространственная логика — где очаг и куда расходится. Трещины разбегаются от того места, где «толкает». Раскрытие шире там, куда уходит осадка, и сходит на нет в другую сторону. Лучи от угла проёма — концентратор напряжений именно там. Рисунок на стене — это стрелка, показывающая на источник. Прочитать её важнее, чем измерить ширину: ширина скажет «насколько», а рисунок скажет «откуда».

Морфология — форма выдаёт механизм. Наклонная трещина среза — это не то же, что вертикальная трещина отрыва, и совсем не то, что мелкая волосяная сетка от температуры и усадки. Ширина, направление, ветвление, характер краёв — это подпись механизма под работой. Одна и та же стена «трещит» по-разному, смотря что с ней делает нагрузка, температура, осадка или коррозия арматуры, распирающая защитный слой. Научиться читать эту подпись — половина ремесла.

Когда три признака сошлись — у вас первичный дефект. Когда разошлись — у вас пока гипотеза, и с ней рано в выводы.

Не одна причина, а все возможные

Теперь самый неудобный шаг — и самый важный. Прежде чем выбрать причину, надо выписать все причины, какие физически могли дать такую картину. Не «очевидную». Все.

Возьмём косую трещину в кирпичной стене — на ней и доведём протокол до конца. Она могла родиться от: неравномерной осадки основания; температурных деформаций (длинная стена без деформационного шва); перегрузки, силового механизма (надстроили, поменяли назначение, навесили лишнее); изначального дефекта самой кладки — брака изготовления (раствор, перевязка, замороженный при укладке шов). Четыре версии, и каждая на первый взгляд «подходит».

Пока список не выписан — выбирать не из чего. Эксперт, который сразу вцепился в одну версию, не выбрал её — он просто не увидел остальных. А оппонент увидит и предъявит: «а температурную причину рассматривали? а перегрузку? почему исключили?» И правильного ответа на это уже не будет, потому что работу надо было делать раньше.

> **Из практики (тот же дом, что в главе 1).** В заключении, которое мы разбирали, эксперт нашёл десятки дефектов — и всем до единого приписал одну и ту же причину: «некачественное выполнение строительно-монтажных работ». Одна строчка, размноженная на всю таблицу. Ни для одного дефекта не выписан перечень версий, ни одна альтернатива даже не названа: ни осадка, ни пучение грунта под лёгким домом, ни температура, ни скрытые дефекты самих материалов, ни то, что часть повреждений могла прийти

> позже — от ремонта, который собственник затеял сам, о чём эксперт в другом месте заключения честно упоминает и тут же об этом забывает.
>
> «Некачественные работы» — это не причина. Это отказ искать причину, оформленный как вывод. Такая универсальная формула удобна тем, что подходит ко всему, — и бесполезна ровно поэтому: то, что объясняет любой дефект, не объясняет ни одного. Мы показали это, не трогая сами дефекты: достаточно было спросить по каждому — а почему не вот эта причина? — и заключение осыпалось, потому что отвечать было нечем.

Доказывают не «за», а «против»

Дальше — контринтуитивное, но это сердце метода. Гипотезу доказывают не тем, что находят подтверждающие её признаки. Их находят почти всегда — в том и беда. Осадка «подтверждается» трещиной. Но та же трещина «подтверждает» и температуру, и перегрузку, и врождённый дефект кладки. Подтверждающий признак почти ничего не стоит, потому что он подтверждает сразу нескольких кандидатов.

Работает обратное. Каждую версию проверяют на опровержение: если причина в ней, то что обязательно было бы на объекте — и есть ли оно? Температура? Тогда трещина «дышала» бы по сезонам, то шире, то у́же. А она раскрывается монотонно, год за годом в одну сторону — температура отсечена. Перегрузка? В сжатой зоне были бы раздавливание и шелушение кладки. Их нет — отсечена. Врождённый дефект кладки? Тогда трещина была бы с самого начала — а она проявилась спустя годы после ввода, значит, не врождённая, отсечена.

Осадку же опровергнуть нечем: форма трещины и её привязка к зоне просадки — прямой признак, и он в силе. Остаётся одна версия — не потому, что три другие нам разонравились, а потому, что каждая напоролась на факт, с ней несовместимый. Вот она и есть кандидат в причину: не «подошла», а выжила.

Разница огромная и на допросе решает. «Я нашёл признаки осадки» — это ничего, признаки много чего есть. «Я исключил температуру — по сезонной неподвижности раскрытия, перегрузку — по отсутствию раздавливания в сжатой зоне, врождённый дефект — по возрасту трещины; осталась осадка, опровергнуть её нечем» — это уже конструкция, которую голыми руками не развалить.

Когда осталось двое: решающий признак

Иногда две версии доживают до конца. Обе объясняют картину на поверхности одинаково хорошо, и по внешним признакам их не развести. Здесь есть

искушение написать обтекаемо — «причиной является осадка и/или температурные деформации» — и оставить суд с этим разбираться.

Так нельзя. Две версии — это не вывод, это незаконченная работа. Нужно назвать один конкретный признак — замер, шурф, вскрытие, поверочный расчёт, — который эти две версии разведёт.

В нашей трещине до конца дожила одна осадка — но и её нельзя объявлять доказанной на одних косвенных признаках. Тут решающий признак работает не на то, чтобы развести двоих, а на то, чтобы добить выжившего: шурф к подошве фундамента и нивелирование по маякам во времени дают неравномерную осадку — скажем, 24 мм на шести метрах. Вот теперь это доказанная причина, а не просто наиболее вероятная. Иногда такой признак стоит денег и времени — ради него и копают шурф, ради него и лезут вскрывать узел. Но именно он переводит вывод на верхнюю ступень.

А если добраться до решающего признака нельзя — нет доступа, нет вскрытия, не дают? Тогда так и пишем: две версии, различить их можно тем-то, доступа не было. Это честный вывод. Нечестный — сделать вид, что версия одна.

Насколько ты уверен — ровно настолько и пиши

И последнее — про силу вывода. Причинность не всегда доказывается до конца, и это нормально. Ненормально — выдавать недоказанное за доказанное.

Мы держим три уровня. **Доказанная** — прямые признаки механизма на месте, временна́я и пространственная логика сошлись, все альтернативы уперлись в контрпризнак, где надо — подтверждено расчётом или вскрытием, противоречащих фактов нет. **Наиболее вероятная** — доминирующая версия с прямыми признаками, большинство альтернатив отсечено, но решающий признак не добыт (не было доступа), и одна-две версии остались маловероятными, но живыми. **Предполагаемая** — данных мало, две и больше версий сопоставимы, нужно дообследование, и мы прямо говорим какое.

«Предполагаемая» — не слабость эксперта. Это честность, и она, как ни странно, крепче на допросе, чем ложная уверенность. Вывод, помеченный «предполагаемая, требуется вскрытие узла», развалить нельзя — он уже сам про себя всё сказал. А «доказанная» там, где ничего не вскрывали и не считали, — это подарок оппоненту: одного вопроса «чем доказана?» хватает, чтобы посыпалось всё заключение, а не только этот вывод. Псевдоуверенность — самая дорогая ошибка в нашем деле.

Схема Я1. Дерево причинности

Коротко, зачем всё это

Причинность — сердце заключения и первая мишень оппонента. По ней бьют, потому что знают: рассыпал причину — рассыпал вывод, каким бы аккуратным ни был замер. Поэтому эксперт, который научился рвать собственную причинность раньше, чем это сделает противник, — на каждом шаге спрашивая себя «а какую версию я не проверил? а чем я это опроверг? а не выдаю ли я предположение за доказанное?» — пишет заключения, которые стоят.

Найти дефект — половина дела. Назвать его верным словом — начало второй половины. Доказать, отчего он взялся, — её середина, та самая, где споры и выигрывают.

Глава 3. Существенность дефекта

Есть заключения, которые пугают одним числом. «Выявлено более двухсот нарушений». Читаешь — и кажется, что объект надо сносить. Двести! А начинаешь разбирать список — и в нём потёртая краска на кожухе стоит через запятую с трещиной в сварном шве, вмятина на коробе рядом с непроваром стыка. Всё сложено в одну кучу, всё названо одинаково грозным словом «нарушение», и из общего количества лепится картина тотального, равномерно опасного брака.

Это подлог, только сделанный не враньём, а арифметикой. Двести замечаний — это не двести проблем. Это, может быть, три проблемы и сто девяносто семь мелочей, которые к безопасности не имеют отношения. Количество замечаний не говорит ничего о том, насколько всё серьёзно. А именно на этот вопрос — насколько серьёзно — заключение и обязано ответить.

Существенность — то место, где эксперт чаще всего работает интуицией. У любого из нас есть чутьё: вот это ерунда, а вот это уже нехорошо. Чутьё чаще всего верное. Беда в том, что чутьё не переживает допроса. «Почему вы считаете этот дефект критическим?» — «Ну, он серьёзный, это же видно». Видно кому? На чём основано? И критический он или всё-таки значимый, и в чём разница? Там, где вместо ответа стоит «это же очевидно», заключение проваливается — не потому, что эксперт неправ, а потому, что правоту нечем предъявить.

Значит, нужна шкала. Не для того, чтобы заменить чутьё цифрами, — а для того, чтобы каждый шаг чутья можно было показать пальцем: вот признак, вот почему он весит столько. Шкала, где число держится не на мнении, а на факте с фотографии.

Две ошибки, между которыми ходит эксперт

Существенность промахивается в две стороны, и обе стоят дорого.

Первая — **раздувание**. Косметику записывают в критику. Все замечания валят в один список, мелочь идёт наравне с угрозой, и объект выглядит страшнее, чем он есть. Это ошибка того самого отчёта с «двумястами

нарушениями»: она удобна тому, кто хочет напугать суд и подрядчика, — и разваливается ровно там, где начинают спрашивать по каждому пункту, чем именно он опасен.

Вторая — **преуменьшение**. Критику записывают в косметику. Трещину, за которой стоит потеря несущей способности, называют «незначительным дефектом отделки» и рекомендуют «наблюдать». Эта ошибка тише и страшнее: она не пугает, она успокаивает — до момента, когда успокаиваться было нельзя.

Обе ошибки растут из одного корня — из того, что существенность назначили на глаз, одним словом, без структуры. Лекарство от обеих одно: разложить «серьёзно» на составляющие, каждую привязать к наблюдаемому признаку и не давать себе поставить оценку, которую нельзя ткнуть в фотографию.

Существенность — это не одно число, а два вопроса

Главная мысль всей главы: серьёзность дефекта нельзя измерить одной величиной, потому что в ней сидят два независимых вопроса, и их всё время путают.

Вопрос первый: насколько будет плохо, ЕСЛИ откажет? Это тяжесть последствий. Она не про сам дефект — она про то, что случится, если конструкция, где он сидит, выйдет из строя.

Вопрос второй: насколько близко к тому, чтобы отказало? Это близость реализации. Она про то, скоро ли и вероятно ли дойдёт до отказа.

Разведите эти два вопроса — и туман рассеивается. Трещина в несущей колонне, за которой стоит обрушение, — по тяжести последствий это максимум. Но если по расчёту колонна загружена на шестьдесят процентов, трещина стабилизировалась и не растёт, среда сухая — близость отказа мала. Дефект страшный по последствиям и далёкий по реализации. А бывает наоборот: перемычка над окном, отказ которой обрушит только саму перемычку, — тяжесть невелика, но перемычка треснула, крошится на глазах, нагрузка растёт — близость максимальна. Один вопрос отвечает «как страшно», другой — «как скоро», и это разные оси.

Именно поэтому существенность мы кладём не на линейку, а на **матрицу** — поле, где по одной стороне откладывается тяжесть, по другой близость, а каждый дефект попадает в свою клетку на их пересечении.

Ось тяжести: как страшно, если откажет

Тяжесть последствий не берётся из головы — она собирается из признаков, каждый из которых видно или считается:

- **Роль конструкции.** Несущая, от которой зависит устойчивость всего здания, — это одно. Ограждающая с функцией безопасности — другое. Отделка — третье. Роль определяется по проекту и по схеме работы, а не по впечатлению.
- **Характер отказа.** Хрупкий, внезапный, без предупреждения — худший случай: не успеешь среагировать. Пластичный, с прогибом и трещинами, которые заранее кричат, — мягче: он даёт время. Разница между ними — это разница между «рухнуло вдруг» и «предупредило».
- **Охват.** Отказ, который тянет за собой соседние элементы — лавинообразное, прогрессирующее обрушение, — это одно. Отказ одного элемента, который дальше себя не пойдёт, — совсем другое.
- **Присутствие людей.** Постоянно занятое помещение и технический подвал, куда заходят раз в квартал, весят по-разному, и это тоже наблюдаемый факт, а не оценка.

Ось близости: как скоро и вероятно откажет

Вторая ось так же собирается из проверяемого:

- **Исчерпание несущей способности** — по поверочному расчёту, и только по нему. Загружено на сто с лишним процентов (перегруз) — это край. Меньше семидесяти — запас. Здесь цифра честная, потому что она из расчёта, а не из ощущения. Расчёта нет — под-фактор остаётся пустым; что с этим делать, разберём чуть ниже.
- **Скорость развития.** Активно прогрессирует — свежие края, рвущиеся маяки, растущее раскрытие. Стабилизировался — стоит годами. Это ловится наблюдением и мониторингом во времени.
- **Усугубляющие условия.** Агрессивная среда, циклические нагрузки, постоянное увлажнение — то, что подгоняет разрушение. Действуют они или нет — видно на объекте.
- **Обратимость.** Устраняется лёгким ремонтом; устраняется усилением — в том числе усилением основания; или необратим, и тогда остаётся замена элемента либо несоразмерное вмешательство в сам объект. Это про то, насколько дефект «застрял» в конструкции.

Каждый из этих признаков — не мнение, а факт, который можно сфотографировать, померить или посчитать. В этом весь смысл. Мы ещё дойдём до того, почему это критично на допросе.

Матрица существенности

Теперь сведём обе оси вместе. Тяжесть по вертикали, близость по горизонтали — и на их пересечении дефект попадает в клетку, а клетка красит его одним из пяти уровней: **косметический, значимый, серьёзный, критический, недопустимый**.

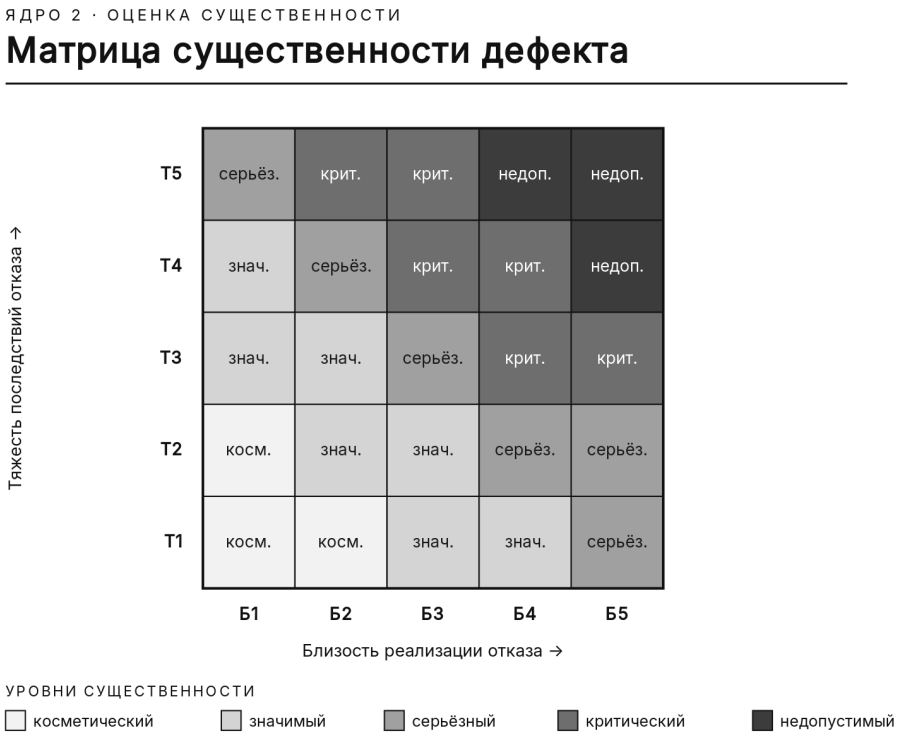

Схема Я2. Матрица существенности

Матрица делает видимой вещь, которую на линейке не покажешь: **страшное-но-далёкое и нестрашное-но-близкое — это разные существенности, и путать их нельзя.** Дефект в несущей колонне с огромной тяжестью, но малой близостью (Т5, Б1) — это «серьёзный», а не «недопустимый»: да, если откажет — катастрофа, но до отказа далеко, и вывод должен это отразить, а не пугать красным. И наоборот, дефект средней тяжести, дошедший до края по близости (Т3, Б5), уходит в «критический» — потому что вот-вот. Одна ось без другой врёт в обе стороны.

Точные диапазоны баллов по каждому под-фактору и границы зон — в методологической части; там же оговорено, что калибровка не догма: она уточняется на массиве реальных дел, и каждая подстройка фиксируется. Здесь важнее не арифметика, а привычка: прежде чем назвать дефект серьёзным, спроси отдельно — как страшно, если откажет, и как скоро откажет. Два вопроса, две оси, одна клетка.

Честность цифр: почему матрица держится на допросе

Теперь то, ради чего всё это городилось. Обычная оценка существенности разваливается на допросе, потому что её нечем защитить: «серьёзный» против «несерьёзный» — это слово против слова, и оппонент имеет ровно такое же право на своё слово, как эксперт на своё.

Матрица меняет предмет спора. Она не даёт оппоненту спорить с итогом — она заставляет его спорить с каждым признаком по отдельности. И вот тут-то и работает правило, которое мы держим железно: **оцифровываем только то, что опирается на наблюдаемый признак.** Балл за «постоянное присутствие людей» — вот помещение, вот его назначение, вот люди. Балл за «перегрузку» — вот поверочный расчёт, использование сто пять процентов. Балл за «активно прогрессирует» — вот маяки, вот динамика по датам.

Что это даёт на допросе. Классический удар оппонента по любой балльной системе — «почему три, а не четыре?». Против интуитивной оценки он смертелен. Против оценки, привязанной к признаку, он не проходит: три стои́т потому, что вот этот факт на фотографии, а не потому, что так захотелось эксперту. Спорить теперь можно только с фактом — а факт на месте. Матрица не делает вывод неоспоримым; она переносит спор туда, где эксперт стоит на измерении, а не на впечатлении.

И обратная сторона того же правила, тоже важная: **не давай оппоненту цифру, которую не можешь защитить.** Если под-фактор не опирается на признак — не выдумывай для него балл. Псевдоточность хуже честной качественной оценки: она выглядит строго, а рушится от первого вопроса «откуда это число?», и тянет за собой всё остальное. Самый частый случай — исчерпание несущей способности: заполняется оно по поверочному расчёту, а расчёта нет. Прикинуть процент загрузки на глаз — значит своими руками отдать оппоненту цифру, за которую нечем ответить.

Но тогда законный вопрос: а что со шкалой, если под-фактор остался пустым? Пустой под-фактор оценку не обнуляет — он опускает достижимый максимум, и дефект уезжает влево, выглядит спокойнее, чем есть на самом деле. Поэтому оценку не нормируют и не подгоняют, а **помечают как оценку**

снизу: «серьёзный, оценка снизу — поверочный расчёт не выполнялся». Это не дыра в методике, а рабочий инструмент: помеченная оценка снизу — прямое основание требовать расчёт. Обратной силы у неё нет — заявить существенность выше полученной, не выполнив расчёт, нельзя: защищать будет нечем.

Существенность — это не приговор «снести всё»

Отдельно — про ловушку, в которую валится существенность, когда её путают со стоимостью и способом устранения.

Высокая существенность не означает «демонтировать и построить заново». Серьёзный дефект часто устраняется усилением; критический — иногда заменой одного элемента, а не всей конструкции. За это отвечает та самая ось близости, под-фактор обратимости: он отделяет «устраним усилением» от «необратим — только замена элемента или несоразмерное вмешательство в объект». Разница не арифметическая. Трещину в стене устраняют усилением, пусть и дорогим: сначала останавливают основание, потом лечат стену. А накренившееся здание усилением не выпрямишь — стену можно обшить хоть в три обоймы, наклонена-то не она. Дефект может быть тяжёлым по последствиям и при этом прекрасно ремонтируемым — и грамотное заключение это разводит.

Здесь смыкаются две наши истории. В прошлых главах был частный дом, где эксперт назвал все дефекты «устранимыми» и тут же предписал полный демонтаж, — он оценил обратимость на словах и опроверг её собственным перечнем работ. А в кейсе этой главы — та же болезнь с другого конца: стоимость посчитана по принципу полной замены там, где хватило бы ремонта. И то и другое — провал на оси близости: обратимость либо не оценена, либо оценена и предана.

> **Из практики.** Нам принесли на разбор технический отчёт по спору о качестве работ на котельной и внешних теплосетях — арбитраж, заказчик против подрядчика. Отчёт солидный на вид, толстый, с фотографиями и протоколами. И с перечнем примерно из двухсот несоответствий.
>
> Двести — и ни одного слова о том, какие из них чего сто́ят. Трещина в сварном шве, за которой может стоять разгерметизация, шла в одном списке с потёртостью краски на кожухе и вмятиной на коробе. Никакой градации — ни на критические, значимые и косметические, ни по влиянию на работу системы. Просто длинный ряд претензий, из количества которого лепилась картина сплошного брака. А поскольку каждое замечание молча считалось дефектом, требующим устранения за счёт подрядчика, из этой кучи вырастала и смета — по принципу заменить всё: не отремонтировать дефектный стык, а переложить трубопровод; не подлатать участок кровли, а перекрыть заново.

> Мы разбирали это по осям. По каждому пункту — тяжесть какая? Потёртость краски на кожухе — отделка, отказа нет, людей отказ не заденет: косметика, и точка. Непровар сварного шва магистрали — другой разговор, тут и тяжесть, и близость. Как только двести замечаний разложились по существенности, «тотальный брак» осыпался: осталась горстка того, с чем действительно надо разбираться, и длинный хвост мелочей, которым в смете на устранение делать нечего. Матрицу мы, конечно, не рисовали в рецензии — но думали именно так: не «сколько нашли», а «насколько это весит».
>
> **Мост к категориям техсостояния (справочно).** Тем, кто привык к языку ГОСТ 31937-2024, полезно грубое соответствие: косметический — работоспособное состояние; значимый — работоспособное / ограниченно-работоспособное; серьёзный — ограниченно-работоспособное; критический — ограниченно-работоспособное / аварийное; недопустимый — аварийное. (Четыре категории действующей редакции — нормативное, работоспособное, ограниченно-работоспособное, аварийное.) Соответствие — только ориентир, и вот с какой оговоркой. ГОСТ 31937 задаёт категории для технического обследования и мониторинга под эксплуатацию и реконструкцию — он не устанавливает обязательной шкалы существенности дефекта для судебной экспертизы, где спор идёт о вине, ущербе и причинах. Именно поэтому в судебке образуется вакуум, который матрица и закрывает, — и делает это с бóльшим разрешением, чем четыре широкие категории: между «ограниченно-работоспособным» и «аварийным» помещается вся разница между «серьёзным» и «недопустимым», которую заключению как раз и нужно показать. Пользоваться мостом — можно; подменять им матрицу — нельзя.

Зачем это в цепочке

Существенность — не самостоятельная забава, а заготовка для следующего шага. В цепочке вывода, к которой мы придём в четвёртой главе, есть звено «угроза»: чем именно дефект опасен для жизни и безопасности. И вот это звено нельзя доказать декларацией «дефект угрожает» — его доказывают ровно тем, что дала матрица: показывают тяжесть и близость, а не объявляют опасность с потолка. Матрица существенности — это то, чем звено угрозы наполняется, чтобы не порваться. И сразу оговорка, чтобы потом не пугаться собственной матрицы: низкий уровень по ней — тоже правильный ответ. Дефект, который портит не конструкцию, а условия проживания, честно проходит по тяжести и близости как незначительный — и это не осечка метода, а его честность: опасен он по другому адресу и меряется другой мерой, о чём в главе про угрозу. Матрица не обязана всегда выдавать пугающий результат — она обязана выдавать защищаемый.

Найти дефект — половина дела. Померить его существенность честно, по признакам, а не на глаз — это не дать оппоненту ни одной цифры, которую он сможет развернуть против тебя. А заодно — не напугать суд там, где не надо, и не успокоить там, где нельзя.

Глава 4. Угроза: цепочка «состояние → норма → угроза»

«Угроза жизни» — самое тяжёлое словосочетание в нашем ремесле. Оно переводит спор из плоскости «качественно/некачественно» в плоскость, где решается судьба здания и деньги другого порядка. И ровно поэтому его чаще всего произносят без права на это — как козырь, а не как вывод.

Мы разбирали заключение по частному дому, где эксперт нашёл локальные дефекты — трещинки в отделке, огрехи монтажа, неровности — и на этом основании потребовал снести дом целиком, вместе с несущим остовом. Между «есть отделочные дефекты» и «дом опасен, под снос» зияла пропасть, которую он просто перешагнул. Не показал, как трещина в кладочном шве превращается в потерю несущей способности всеми конструкциями. Не показал вообще ничего в середине — только начало (дефекты есть) и конец (сносить). А середина и есть вся работа.

Потому что угроза — это не свойство дефекта, которое можно разглядеть на фотографии. На трещину нельзя посмотреть и увидеть «угрозу жизни», как нельзя увидеть на ней причину. Угроза — это вывод в конце цепочки рассуждений, и держится он ровно настолько, насколько цела вся цепь. Порвалось одно звено — рухнул весь вывод, каким бы грозным словом он ни заканчивался.

Эта глава — про то, как цепочку собрать и, что важнее, где она рвётся. Потому что оппонент не станет спорить с вашим выводом об угрозе в лоб. Он найдёт самое слабое звено и дёрнет за него — и всё посыплется само.

Четыре звена одной цепи

Путь от факта к угрозе проходит через четыре звена, и каждое доказывает своё. Пропустить нельзя ни одно: вывод об угрозе держится, только если целы все четыре.

Звено 1. Состояние — что фактически есть.

Первое звено доказывает факт: вот дефект, вот его параметры. Это тот самый холодный язык из первой главы — несоответствие и дефект как наблюдаемое, а не как интерпретация. Трещина шириной столько-то, там-то, такого-то направления.

Рвётся это звено на невоспроизводимости. Замер, который нельзя повторить, — не факт, а слова. «Была большая трещина» — сколько, где, чем мерили, поверен ли прибор? Если на эти вопросы ответа нет, оппонент выбивает первое же звено, и дальше можно не читать: вся цепь висела на замере, которого как бы и не было.

Закрывается звено привязкой (где именно, с координатами и отметками), поверкой приборов, фотофиксацией с масштабом. Скучно — и незаменимо. Заключение, у которого не стои́т твёрдо первое звено, дальше можно не строить.

Звено 2. Норма — чему и на сколько не соответствует.

Второе звено доказывает, что факт — это отклонение: не просто «трещина», а «трещина сверх допустимого по такому-то пункту такой-то нормы». Здесь появляется требование, относительно которого состояние становится дефектом.

Рвётся звено двумя способами, и оба мы уже встречали. Первый — недействующая редакция: сослался на отменённый пункт, и отклонение доказывать нечем. Второй, тоньше, — норма не распространяется на объект. Классический случай — попытка опереть судебный вывод на ГОСТ 31937 как на обязательную шкалу там, где он такой шкалы не задаёт. Сослаться на норму мало; надо, чтобы норма была действующей и применимой именно здесь.

Закрывается звено просто по форме и трудно по существу: конкретный пункт действующей редакции плюс количественная мера отклонения. Не «не соответствует СП», а «превышает допуск такого-то пункта на столько-то».

Звено 3. Причинность — почему это ведёт к последствиям.

Третье звено — сердце цепи, и это ровно то, чему была посвящена вторая глава. Здесь доказывается, что дефект не просто существует и не просто нарушает норму, а работает как механизм, ведущий к отказу. Это звено — весь протокол Ядра 1: перечень версий, исключение через опровержение, решающий признак, маркировка достоверности.

Рвётся оно, когда причину объявляют, а не доказывают. «Конструкция ослаблена, потому что было так изначально» — это не причинность, это ярлык. Между «дефект есть» и «дефект ведёт к отказу» должен стоять доказанный механизм, иначе угроза повисает: мало ли что не по норме, — а к обрушению-то это как ведёт?

Закрывается звено протоколом причинности с честной маркировкой достоверности. И здесь всплывает то, о чём мы говорили в третьей главе про псевдоточность: если механизм только предполагается — так и пишем, и тогда и вывод об угрозе идёт с той же оговоркой, а не выдаётся за доказанный.

Звено 4. Угроза — чем именно опасно.

Последнее звено доказывает то, ради чего вся цепь: в чём конкретно опасность. И вот тут — главная ловушка, тот самый скачок из нашего примера с домом: от «не соответствует норме» сразу к «угрожает жизни», через пропасть.

«Угроза» — понятие не бытовое, у него есть нормативный дом: механическая безопасность по Федеральному закону № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» — недопущение состояний, при которых разрушение или потеря устойчивости создают опасность для жизни и здоровья. Но сослаться на закон о безопасности — не значит доказать опасность. Доказывается она тем, что дала третья глава: матрицей существенности. Показать тяжесть последствий (что будет, если откажет) и близость реализации (насколько близко к отказу) — и тогда «угроза» перестаёт быть криком и становится выводом. Дефект максимальной тяжести и максимальной близости — да, недопустимый, вот основание. Дефект страшный, но далёкий — серьёзный, но не «под снос завтра», и цепь это обязана отразить.

У механической безопасности в том же законе есть сосед. Статья 10 того же ФЗ-384 требует безопасных для здоровья условий проживания и пребывания — и первым показателем называет качество воздуха в помещениях. Это второй адрес угрозы: для дефектов, которые ничего не обрушат, но сделают помещение непригодным для жизни — сырость, промерзание, поражение среды. Доказывается такая угроза не мягче механической, только другой мерой: не тяжестью отказа, а несоответствием нормируемым параметрам среды. Дальше в книге встретятся дефекты, у которых механического отказа нет вовсе, а угроза настоящая, — вот их нормативный адрес.

Рвётся звено скачком — декларацией опасности без промежуточного обоснования. Закрывается матрицей: не объявить угрозу, а показать её меру.

Схема Я3. Цепочка звеньев вывода

Двойное применение: читать цепь с двух сторон

Вот что превращает эту схему из учебной картинки в рабочий инструмент. Цепочка читается в две стороны, и эксперт обязан уметь оба.

Сверху вниз её строит автор: звено за звеном, от факта к угрозе. Снизу вверх — вернее, по слабому месту — её атакует оппонент: он не спорит с финальным выводом, он ищет, где цепь тоньше всего, и рвёт именно там. Не доказана причинность? Тогда неважно, что замеры идеальны, — угроза не выводится. Норма недействующая? Тогда и отклонения нет, и всё, что на нём стои́т, обваливается. Достаточно одного разрыва.

Отсюда главный навык, которому учит эта книга: **атаковать собственное заключение раньше оппонента.** Дописал вывод об угрозе — пройди по цепи

его же глазами. Где здесь тоньше всего? Какое звено я объявил, а не доказал? Если нашёл слабое место сам — успел укрепить или честно оговорить. Если не нашёл — его найдут за тебя, и уже публично, на допросе. Эксперт, который смотрит на своё заключение как на чужое, которое надо развалить, пишет заключения, которые не разваливаются.

> **Из практики.** Вернёмся к тому частному дому. Эксперт зафиксировал набор локальных дефектов — отделка, монтаж, отклонения — и вынес вердикт: полный демонтаж дома, включая несущие и ограждающие конструкции, с возведением заново. Между первым и вторым не было ничего.
>
> Разрыв в цепи виден сразу, стоит разложить её по звеньям. Состояние — допустим, зафиксировано. Норма — местами. А вот звено причинности отсутствовало начисто: не показано, как локальные отделочные и монтажные дефекты ведут к потере несущей способности всем остовом. Такой механизм надо доказывать — диагностикой, расчётом, — а его просто не было. И звено угрозы, соответственно, повисло: вывод о том, что дом опасен и подлежит сносу, не вытекал ни из чего, кроме желания эксперта.
>
> Больше того, цепь опрокидывала сама себя. Эксперт настаивал, что оценить безопасность нельзя — нет проектной документации и расчётов. И на этом же основании требовал снести всё. Но если данных недостаточно для вывода о безопасности, то их недостаточно и для вывода о необходимости сноса: нельзя из «не могу оценить» вывести «надо демонтировать». А собственные его данные противоречили вердикту — прочность бетона по испытаниям оказалась высокой, что как раз против аварийности. Требование «снести» ссылалось на безопасность по ФЗ-384, но именно безопасность-то расчётом и не была доказана — ни в одну, ни в другую сторону.
>
> Нам не пришлось спорить с выводом об угрозе по существу. Достаточно было показать, что цепь до него не доведена: звено причинности пустует, звено угрозы декларировано. Вывод, у которого не выстроена середина, не рушат — он падает сам.

Чем закрывается Часть I

На этой цепочке три ядра метода замыкаются в одну машину — и здесь видно, зачем нужна была вся Часть I.

Цепочка — каркас. Первое и второе звенья держатся на дисциплине слова из первой главы: состояние как факт, норма как действующее и применимое требование. Третье звено — это причинность из второй главы, весь протокол Ядра 1. Четвёртое — существенность из третьей, матрица Ядра 2. Терминология, причина, мера, угроза — не четыре отдельные темы, а четыре звена одной цепи, по которой мысль идёт от «я вижу трещину» до «вот чем она опасна и насколько».

И вот что произошло с читателем по дороге. Пришёл он, возможно, за простым — как распознать трещину, к какому механизму её отнести. А научился

большему: строить вывод так, чтобы он держался под атакой, и рвать чужой вывод по слабому звену. Это уже не взгляд обследователя, который фиксирует. Это взгляд эксперта, который доказывает.

Дальше в книге — обследование как сбор фактов (то самое первое звено, добытое так, чтобы ему можно было верить), каталог дефектов по механизмам (третье звено в деталях, механизм за механизмом) и, наконец, дефект, доведённый до документа. Но рамка задана здесь. Каким бы ни был дефект и в каком бы документе он ни оказался, путь до вывода один: состояние → норма → причинность → угроза, и ни одного порванного звена.

Найти дефект — половина дела. Довести цепь до угрозы, не порвав ни звена, — вот вторая половина, та, где выигрывают споры.

Часть II. Обследование как сбор фактов

Первая часть была о том, как из фактов строится вывод и где он рвётся. Мы прошли цепочку — состояние, норма, причинность, угроза — и научились видеть в ней слабое звено раньше оппонента. Но всё это время с первым звеном, с «состоянием», мы обращались как с чем-то уже добытым: трещина есть, ширина такая-то, вот она, берите. Как будто факт сам ложится в руки.

Не ложится. Факт добывают. И от того, как именно ты его добыл, зависит, устоит он под нагрузкой спора или рассыплется в первой же руке, которая его тронет. Об этом — вторая часть.

Оговоримся сразу, чтобы не обмануть ожиданий. Это не пособие «как обследовать». Как обследовать — расписано в сводах правил: какими приборами, с каким шагом, по какой методике. Тех норм и книг — полки; переписывать их своими словами мы не станем — ни смысла, ни права. Наш вопрос один, и он другой: **как обследовать так, чтобы результату можно было верить.** Не «как померить трещину», а «как померить её так, чтобы замер нельзя было объявить выдумкой».

Расстояние между этими двумя вопросами — это и есть расстояние между осмотром и сбором доказательств. Вся Часть II — про то, как его пройти.

Найти дефект — половина дела. Но и эту половину надо взять так, чтобы она удержалась. Иначе доказывать будет нечего.

Глава 5. Факт — это то, что можно повторить

Двое приезжают на один объект — трещина в стене, спор о качестве работ. Первый обходит, находит, смотрит: трещина, миллиметра четыре. Достаёт телефон, щёлкает, помечает в блокноте: «трещина в стене, ширина до 4 мм». Дело сделано — увидел, снял, записал. Поехал дальше.

Второй у той же трещины возится дольше и со стороны похож на зануду. Меряет — не на глаз, щупом, и записывает, каким именно. Помечает, где: ось, отметка, высота от пола. Отмечает, когда и при какой погоде — на улице мороз, стена промёрзла. Снимает так, чтобы в кадре была масштабная линейка, а по фону читалось, что это за место. Ставит на трещину маяк с датой. Уезжает.

Трещина одна. А домой они везут разное. Второй везёт факт. Первый — впечатление, переодетое в факт; на допросе оно переоденется обратно.

Первого спросят ровно то, на что у него ответа нет. Четыре миллиметра — где? Трещина по длине разная: вверху одно раскрытие, внизу другое — вы мерили в какой точке? Чем — рулеткой, на глаз? А температура какая стояла — потому что эта трещина по сезону дышит, зимой шире, летом у́же, и ваши четыре миллиметра, снятые в мороз, к июлю станут двумя? И на каждый вопрос у первого одно: «так я померил, я помню». Померил — да записал так, что не повторишь. Мы это уже проходили в первой части, только там подводило слово, а здесь подводит замер.

Тест, который стоит держать в голове на каждом объекте

Есть простая проверка, и её полезно прогонять прямо на месте, пока ещё можно что-то доснять.

Представь, что твоё заключение попало к оппоненту, и оппонент грамотный, злой и хочет тебя развалить. Он берёт твои данные и едет на объект. Может он встать туда, где стоял ты, и получить то же самое? Тем же прибором, в той же точке — выйдет у него твоя цифра?

Если да — у тебя факт. Спорить с ним придётся по существу, а по существу он верен. Если нет — если воспроизвести твой замер нельзя, потому что ты

не записал, где именно мерил, чем и при каких условиях, — у тебя не факт, а впечатление. И неважно, насколько оно верное. Верное непроверяемое впечатление и неверное стоят на допросе одинаково: их одинаково легко объявить выдумкой.

Вот это свойство — **воспроизводимость** — и отделяет обследование-доказательство от обследования-осмотра. Осмотр — это «я посмотрел и увидел». Доказательство — это «посмотри и ты: вот как встать, вот чем мерить, вот что получится». Первое — про тебя. Второе — про факт, который живёт отдельно от тебя и не зависит от того, верят тебе или нет.

А верить, к слову, никто не обязан. Вокруг дефекта — своя механика интересов: заказчику выгодна одна цифра, подрядчику другая, и у каждого свой человек, готовый померить «правильно». В этой толкучке твой замер весит ровно настолько, насколько он воспроизводим. Воспроизводимый замер не спорит голосом — он предлагает любому желающему приехать и повторить. Это и есть его броня.

Из чего складывается воспроизводимость

Чтобы замер можно было повторить, повторяющему нужно знать четыре вещи. Забыл одну — цепочку повтора рвёт, и факт снова превращается в слова.

Чем мерил. Прибор, а не «рулеткой примерно». И не просто прибор, а именно этот, поверенный, с известной погрешностью. Тут начинается отдельный большой разговор — про поверку, — и мы отложим его в свою главу. Пока держим только принцип: безымянный прибор даёт безымянную цифру, а безымянную цифру оппонент принимать не обязан.

Где мерил. Не «трещина в стене», а трещина вот здесь: ось, отметка, высота, привязка к чему-то, что не сдвинется. Если завтра на объект приедут пятеро, все пятеро должны найти ту самую трещину и ту самую точку на ней, а не соседнюю. Как это делать твёрдо — тоже отдельная глава, про привязку. Пока принцип: замер без адреса повторить нельзя, потому что непонятно, куда возвращаться.

При каких условиях мерил. Вот это упускают чаще всего — и чаще всего на этом горят. Часть того, что мы замеряем, — не камень, оно меняется. Трещина дышит по сезону. Мокрый угол к лету высыхает. Прогиб под нагрузкой исчезает, стоит нагрузку снять. Снял цифру, не записал условия — и не только сам её не повторишь: оппонент повторит при других условиях, получит другое число и с удовольствием покажет суду, что эксперт намерил ерунду. Условия — это температура, влажность, загруженность, время. Их пишут не для

красоты протокола, а чтобы цифра осталась пришита к своему моменту и не поплыла.

Как мерил. Одну и ту же трещину можно померить в свету и по кромкам, прогиб — от разных баз, прочность — разными методами с разной поправкой. Пока не сказано, как именно, цифру не воспроизвести: повторяющий померит иначе и честно получит другое. Метод — часть факта, а не деталь оформления.

Собери эти четыре — чем, где, при каких условиях, как — и замер перестаёт быть твоим. Он становится ничьим, то есть общим, то есть фактом. Вот и вся разница.

Воспроизводимость — не то же самое, что точность

Здесь легко впасть в соблазн и решить, что спасение — в точности. Возьму прибор поточнее, намеряю до сотых — и не подкопаться. Ловушка. Точность и воспроизводимость — разные вещи, и путать их дорого.

Лазерный дальномер выдал 3,74 мм. Красиво, точно. Но если ты не записал, в какой точке трещины снял эти 3,74 и при какой температуре, — точность мёртвая. Повторить её нельзя, вернуться в ту же точку нельзя, и на допросе три знака после запятой не спасут: «в какой точке?» — «не помню» — и всё, точность осыпалась вместе с достоверностью. А грубоватые «3–4 мм в размеченной точке, поверенным щупом, при плюс пяти» — воспроизводимы, и потому крепче.

Об этом уже был разговор в третьей главе, когда разбирали честность цифр: псевдоточность — это цифра, которая выглядит строго, а рушится от первого вопроса «откуда?». Здесь тот же зверь, только с другого бока. Там мы не давали оппоненту незащищённый балл. Здесь — не даём незащищённый замер. Правило одно: **точность без воспроизводимости — украшение, а не доказательство.** Лучше честная грубая цифра, к которой можно вернуться, чем красивая, к которой нельзя.

Всё, что оставлено на «я помню», — дыра

Главный источник невоспроизводимости — не лень и не незнание. Это привычка держать половину обследования в голове. «Я помню, что мерил внизу.» «Там и так было видно, что мокро.» «Ясно же, что трещина сквозная.» На объекте всё это кажется очевидным и не стоящим записи. А через полгода, на допросе, очевидное куда-то девается, и остаётся только то, что записано и снято.

Правило, которое стоит повесить над столом: **пиши для чужого, а не для себя.** Не для себя-сегодняшнего, который всё помнит, а для чужого эксперта через год — который тебе не верит и хочет поймать. Всё, что ты оставил на «я помню» и «и так понятно», — это дыра, и войдёт он именно в неё. Обследование, половина которого живёт в памяти обследователя, — это не сбор доказательств. Это осмотр, оформленный как обследование.

Здесь смыкается сквозной мотив второй части: без контроля ошибка неизбежна — и своя тоже. Мы привыкли думать про контроль как про надзор за строителями. Но воспроизводимость — это контроль над самим собой, над собственной памятью, которая подведёт. Запись — не бюрократия. Это способ не поверить себе на слово там, где на слово верить нельзя.

Схема 5.1. Тест на воспроизводимость

Зачем это в цепочке

Вернёмся на секунду к цепочке из первой части — чтобы было видно, ради чего вся эта возня.

Вывод об угрозе держится на четырёх звеньях, и первое из них — состояние. В четвёртой главе мы сказали коротко: рвётся оно на невоспроизводимости,